

Отзывы о книгах.

С. Под'ячев.—«Разлад», рассказы. Предисловие Н. Смирнова, 2 изд. «Известий ЦИК СССР и ВЦИК». М. 1925. Стр. 134. Тир. 8.000 экз. Ц. 85 к.

Его же.—«Среди рабочих», повесть. Изд. то же.—М. 1925. Стр. 136. Тир. 6.000 экз. Ц. 85 к.

Я бы сказал, что Под'ячева замалчивают. Между тем, среди прочих современных крестьянских писателей он безусловно заслуживает внимания. Многих из них он крепче и жизненней. К тому же у него совсем нет того пейзажистского взгляда на деревню, которым, увы, страдают многие крестьянские писатели.

Крестьянство, его быт и отношения он берет такими, какие они есть на самом деле, вернее были, ибо обе эти книги рассказывают о деревне до-Октябрьской.

Разве в чем и можно упрекнуть Под'ячева, так это именно в излишней объективности, временами доходящей до простого стенографирования.

Он мало, или совсем ничего, не выдумывает, а лишь записывает просто и верно все, что видел, слышал и испытал.

Основная черта этих двух книг—их биографичность: в «Разладе» рассказывается виденное, в повести «Среди рабочих» испытанное.

Обе книги посвящены крестьянству. Четыре рассказа первой из них—деревенскому его быту, за исключением последнего, частично захватывающего город и фабрику. Вторая книга выводит крестьян из своей деревни на летние заработки,

но выводит не в город, а в ту же деревню, в монастырь, к помещику.

Быт, изображаемый автором, тесен и дик: в каждом рассказе—беспросветное пьянство, ругань и драки, редко не кончающиеся убийством.

Но такова была деревня в те времена и описание ее Под'ячевым вернее легенд о слюнявых пейзажистах в чистых портках и лаптях, завязанных ленточками.

Наиболее сильной вещью этих двух книг следует считать «Разлад», последний рассказ первой книги, давший ей и общее заглавие.

Он выдержаннее и сделан глаже и интересней, чем другие вещи. Весь рассказ, повествующий о пегорельце Маркеле, жизни его на фабрике, уходе от жены и работе в деревне у богатого мужика, убивающего своего сына—«забастовщика», построен на диалоге,—любимом приеме автора, пользующегося им широко и достаточно свободно, не смотря на трудности деревенского языка.

В этом отношении и рассказы и повесть, развернутые диалогами, могут быть легко переделаны в драму. Описаний у автора мало, он так же на них скуп, как драматург на ремарки, и в описаниях его, после крепкого мужицкого языка, проглядывает слабость и неопределенность.

«Среди рабочих»—большая повесть автобиографического характера, рассказывающая о странствованиях автора и работа его у разных хозяев: у помещика, в деревне, в монастыре. Она несколько растя-

нута и написана более вяло, чем «Разлад».

Пишет Под'ячев просто и поэтому он понятен каждому, даже тому, кто только что научился читать. Для масс его книги ясны и близки.

Предисловие, написанное к первой книге Н. Смирновым, следовало написать более сдержанно, ибо похвалы расточаются им в таком количестве, что теряют всякую цену и даже становятся не только не лестными, но и вовсе не похвальными.

В повести «Среди рабочих» сбивает подзаголовок—«том второй». Но пусть читатель не утруждает себя поисками первого тома этой книги, ибо его совсем не существует; подзаголовок относится к собранию сочинений Под'ячева, выпускаемых «Известиями», в котором «Среди рабочих» идет вторым томом.

Но о «собрании сочинений» по причинам неведомым и непонятым в обоих книгах не сказано ни звука.

Борис Анibal.

Дм. Фурманов. 1. Чапаев. Предисл. А. Луначарского. ГИЗ. 3-е изд. 1925 г. Стр. 216. Тираж 15.000 экз. Цена 1 р. 25 к.

2. Мятелж. Предисл. А. Серафимовича. ГИЗ. 1925 г. Стр. 270. Тираж 7.000. Цена 2 рубля.

Как художник, Фурманов — не великий талант. Его слог порой слишком наивен, чтоб не сказать — примитивен. Постоянная, честная и искренность — эта основная черта Фурмановского письма — при всех своих несомненных достоинствах — не может все же заменить художественности; последняя у Фурманова встречается, сравнительно, редко.

Однако, несмотря на это обстоятельство, Фурманов читается с огромным, с исключительным интересом. Очевидно, что замечательные «приемы» автор удачно заменяет чем-то другим, что отнюдь не менее значительно и привлекательно: он заменяет их захватывающим интересом самого «содержания», захватывающим интересом событий, рисующих во всей своей огромности боевые годы революции.

«Чапаев» — наиболее удачное произведение Фурманова. Это —

своеобразная мемуарная эпопея о суровой борьбе с Колчаком и уральским казачеством. Сам Чапаев, Вас. Ив., это — знаменитый командир железной «чапаевской» дивизии, при которой Фурманов состоял комиссаром. Наблюдая Чапаева каждодневно, видя его в бою и во время свободного от боев, в горе и радости, — Фурманов сумел верно понять и описать этот характер, сумел дать тип простонародного, вышедшего из низов красного полководца.

Рано выгнанный деревней на заработки, Чапаев был словно рожден для войны. Он не мыслил себя вне грома орудий: с 1914-го года не снимал ружья, заслужив в империалистическую все 4 Георгия. С 1918-го он — красный боец.

Почти безграмотный, он обладал, однако, большим и ясным умом, чутьем верно схватывал самую тяжелую военную обстановку и, отличаясь необыкновенной храбростью, всегда лично находился в самых опасных местах. Трагическая гибель в борьбе с уральскими казаками застала его уже в ореоле славы, окруженным легендами и подлинной любовью всего окружающего крестьянства, не говоря уже о войсках.

Несомненно, — такая личность, как Чапаев, интересна и заслуживает внимания. О таких можно и стоит писать. Однако, «Чапаев» не был бы — «мемуарной эпопеей», будь это только лишь записи о жизни лично Чапаева.

Фурманов не впадает в эту узость и, рисуя Чапаева, дает больше, дает широкую картину гражданской войны вообще. И это достигается не только тем, что в книге много интересных описаний крестьянства, армии, казачества, разоренных деревень, жестокостей и пр. Это достигается также и тем, что сам Чапаев, собственно, тоже — больше чем личность. Его постепенное и беспрестанное подчинение воле партии, его общий культурный рост, это — показательный и типичный процесс, — процесс плодотворного подчинения анархического-партизанского крестьянства организованной воле пролетариата. Это тот процесс, который сделал возможными